

Следственное дело № 1531
по обвинению
МАРКУШЕВСКОГО Альбина Юлиановича

Собственноручные показания
МАРКУШЕВСКОГО Альбина Юлиановича

От 1917 года я состоял настоятелем Ильинецкого прихода и был там до 10 марта 1925 года, следовательно, там пришлось мне пережить все ужасы гражданской войны. Я горжусь тем, что, переживая много несчастий и невзгод жизни, на посту пастыря Католической Церкви удержал себя от искушений политиканства, я исполнял только лишь религиозные обязанности, совершенно не вмешивался в дела политики, а моя задача была всегда нести помощь всем и каждому, кто нуждался в помощи в моей силе было действительно помочь — последнюю не раз рубаху отдавал красноармейцу, приходящему за помощью, кормил всех, не раз сам голодая. Помню случай, когда заболел из проходящей части один красноармеец, я ему отдал, уступил свою кровать и постель, а сам лег на полу в передней. Тов<арищ> уполномоченный знает из моих слов и документов, как мне удавалось целыми десятками евреев неоднократно охранить от гибели от рук бандитов, и как мне удалось спасти раз уполномоченного ЧК тов<арища> Донаго и его адъютанта от явной гибели от рук бандитов.

Во время оккупации поляков в Ильинцах я держал себя совершенно в стороне от политики и даже раз находился несколько часов под арестом за то, что не мог указать адреса семьи какого-то партийца, о котором, по их мнению, я обязательно должен был знать.

Отступая, поляки мне предлагали три раза уезжать с ними, ибо говорили, что меня встретят здесь самые ужасы. Я остался. Невинный не боится ничего. Помню, как один польский полковник пожал мне искренне руку и сказал: Вы поступаете правильно, так должен поступать пастырь своей паствы, а не карьерист. Живу до сих пор, ничего мне большевики не сделали. До сих пор ни разу не был арестован и знаю наверно, что и в Ильинском районе и ныне в Ушомирском представители власти ко мне относятся доверчиво, и знаю документально, что не раз меня ставили, как пример того, который ко всем старается относиться приветливо, гостеприимно, любовно и исполняет свою работу по религиозной части, как человек, преданный верующим.

Наша нынешняя епархия называлась раньше Луцко-Житомирская, так было, кажется, до 1923 года. Управление епископа Дубенского в Луцке Польском, а большая часть епархии в Киеве УССР, поэтому происходили ненормальности по делам епархиальным. Много из верующих направлялись от нас за границу нелегально, мне даже известен факт, что ксендз Свидерский ходил сам к своему епископу ксендзу Маньковскому, кажется, в Бучач — и потом был за это привлечен к ответственности.

Епископ Дубовский давал воззвания к духовенству из Луцка. Мы их на провинции не получали, Получало их, очевидно, Управление епархии в Киеве — Управляющий епископ, прелат ксендз Скальский. Мы особенно на далекой и глухой провинции много времени абсолютно не получали никакой почты. Епископ Дубовский очень заботился как можно больше прислать к нам сюда из-за границы духовенства. Известен факт, когда он рукоположил клириков раньше на год или на два года перед окончанием семинарии с тою лишь целью, чтобы они добровольно согласились идти в СССР. Мне известны несколько ксендзов, которые перешли из Луцка в

Киев для определения на приходы. Ксендз Консевич, ксендз Ловейко, ксендз Криваник, больше не помню, но легко найти их. Список издавался в Луцке и присылался через ксендза Скальского к нам.

Епископ Дубовский, предвидя все возможности, назначил приемлемость Управления, то есть после ксендза Скальского имел возможность ксендз Наскренцкий, а в случае, если бы и того не было, то кажется мне, что была определена кандидатура ксендза Яхневича. Ксендз Скальский, по-моему, умный и не злой человек, но мне кажется, что он не умел любить по-теперешнему. В его глазах всегда величалось предстоящее большое торжество Католической Церкви, и, наверно, он думал, что будет епископом. Мне известно, что у него бывали в гостях представители Польского консульства.

Я после девяти лет абсолютного невыезда из Ильинцев, в первый раз в 1924 году в июне месяце был в Киеве, ксендз Скальский угощал меня каким-то ликером, который он получил в подарок от консула. Ксендз Скальский, мне кажется, действовал в национально-патриотическом духе, подчас вел свою линию работы. По моему мнению, совершенно иной тип ксендз Наскренцкий — это более выдержанный человек, искренне и горячо верующий, скорбящий на печальный вид тягостных условий Церкви, человек, абсолютно не стремящийся к властвованию, а всеми силами своей души желающий блага Церкви, чем я объясняю его заботу о рукоположении новых священников. Знаю, что даже к нему приходили русские священники с намерением перейти в католичество, и он не раз целыми часами самоотверженно учил и учил их богословию, но вышел ли прок какой-либо из его работы, я не знаю. Он никогда мне не давал никаких указаний, которые могли бы дискредитировать его перед властью, которые при том приносили малую пользу, а колоссальный вред Церкви.

О ксендзе Миодушевском знаю, что он прибыл из Польши в 1923, кажется, году по какому-то паспорту и, кажется, снова получил паспорт год спустя на выезд в Бессарабию или Польшу, наверно, не знаю. Его, кажется, родители живут в Хотине.

Нановского я всегда чего-то недолюбливал. Он такой хитрый и двуличный, и Богу свечка, и черту кочерга, как говорит пословица. Он, говорят, не раз переходил границу; он и апостольствовал, и развращал. Он писал декларации разного рода и не раз грязнил гораздо больше всякой действительности ксендзов и их работу, а тут и сам обманул коварно родину, государство УССР, которое не раз доверяло ему, щадило его, прощало ему, а он удрал туда, куда не раз всякие помои изливал, ведь как никак не думаю, чтобы Польша заставляла нас, ксендзов. Быть шпионами, как он утверждал. В моем мозгу даже не может быть допустима мысль о такой мерзости использовать нас, несчастной горсточкой ксендзов, избитых крепко жизнью близких могил, несущим целым десяткам тысячам здесь в УССР религиозные требы верующим для той подлой цели, за которую ведь совершенно справедливо советское правительство могло бы нас абсолютно уничтожить. Если Нановский в Польше и там он загнезвился, скорбеть буду над скверностью тех людей, которых он там устроит.

Когда я был в Ильинцах, кажется, в 1921 году был арестован в Умани ксендз Коберский, в Оратове ксендз Буранец. Этот последний умер в заключении своем в больнице. Они были арестованы в связи с раскрытием какой-то подпольной организации в Умани под наружным видом благотворительности.

Показания давал собственноручно. А. Маркушевский».